

Они недолго побыли в горячем источнике — вода казалась обжигающей — и вернулись в полумрак комнаты, покрытые испариной. Купание не принесло облегчения. Чэн Цзайе не сводил глаз с Цзян Шоуяня, бессознательно поглаживая его губы большим пальцем. Жар источника, казалось, всё ещё окутывал его: белоснежная кожа покраснелась от горячей воды, порозовели даже фаланги пальцев.

Цзян Шоуянь, похоже, совершенно не осознавал, как сейчас выглядит. Под пристальным взглядом Чэн Цзайе его бросило в жар, он непроизвольно высунул кончик языка, чтобы облизать губы, но вместо этого лизнул палец Чэн Цзайе. В ночной полутьме он отчётливо заметил, как изменился Чэн Цзайе. Неровное дыхание коснулось кончика его носа, Чэн Цзайе наклонился, сплетаясь с ним языками, сбив дыхание Цзян Шоуяня. Тот вцепился в его волосы. Узкое кольцо складочек растянулось, заблестев от влаги. Частые поцелуи спускались от самых губ к основанию шеи, и, обдаваемый тёплым дыханием, он тяжело задышал от ощущения распирающей полноты.

— Почти всё, ещё немного... — Чэн Цзайе скрупулёзно соблюдал каждый шаг подготовки. Его губы снова скользнули к краю уха Цзян Шоуяня, ласково и успокаивающе потираясь о него.

Цзян Шоуянь лежал на боку, повернув голову, они целовались, тесно сплетаясь. Чэн Цзайе подхватил его под колени и в кромешной ночной тьме проник в него, устремляясь в новые, бескрайние просторы.

Цзян Шоуянь всегда считал, что Чэн Цзайе похож на полное сил, цветущее дерево, излучающее дикую, стремящуюся ввысь жизненную энергию. И сейчас эта первобытная сила пронзала его, заставляя бесконтрольно содрогаться в густом мареве наслаждения.

В комнате зажгётся свет. Маленькая коробочка на прикроватной тумбочке уже опустела. Чэн Цзайе обнимал Цзян Шоуяня со спины, раз за разом покрывая поцелуями его влажную от пота шею. Цзян Шоуянь, приходя в себя, немного полежал с закрытыми глазами. Стоило ему лишь приподнять руку, как Чэн Цзайе тут же перехватил её, поднёс к своим губам и снова поцеловал пальцы.

— Что тебе нужно? Я подам, — в его голосе слышалась не до конца угасшая страсть. — Воду или телефон?

Голос Цзян Шоуяня всё ещё звучал хрипло и обессиленно:

— Сигарету.

Чэн Цзайе поставил подушку вертикально, прислонив к изголовью кровати, чтобы Цзян Шоуяню было удобнее опираться. Когда подушка оказалась поднята, скомканную бумажку под ней больше невозможно было скрыть. Чэн Цзайе на мгновение замер, переведя взгляд на Цзян Шоуяня, который полужёжа прислонился к изголовью и закрыл глаза. Чэн Цзайе не стал трогать листок, вместо этого перекатился на край и встал с кровати. Лишь отойдя на пару шагов, он произнёс:

— У тебя под подушкой какая-то бумага.

Пальцы Цзян Шоуяня едва заметно дрогнули. Он очень медленно опустил глаза и, не шевелясь, бросил взгляд в ту сторону. Чэн Цзайе тоже не стал возвращаться на прежнее место: закурив сигарету и передав её Цзян Шоуяню, он сел рядом с ним на край кровати.

Обычно температура тела Цзян Шоуяня была чуть пониженной, но эти несколько часов он пылал в объятиях Чэн Цзайе. Вяло затягиваясь сигаретой, Цзян Шоуянь краем глаза косился на листок. Ему и хотелось, и не хотелось, чтобы Чэн Цзайе прочитал записку. Чэн Цзайе не дал ему всласть помучиться противоречиями и заговорил первым. Он поправил пряди волос, упавшие Цзян Шоуяню на шею, — они уже успели слегка отрасти — и, наклонившись, поцеловал след от укуса на его затылке.

Он был очень нежным любовником и ни на секунду не переставал следить за состоянием партнёра. Ночной мрак был густым и тягучим, словно толща воды. В этих делах он был порывистым, неопытным новичком, и как ни старался действовать осторожно, порой всё же не мог правильно рассчитать силу. Полный раскаяния, он целовал наливающиеся красным следы своих пальцев на теле Цзян Шоуяня, но, подняв голову, вдруг заметил, что плескавшееся в глазах партнёра наслаждение стало лишь горячее. И тут до Чэн Цзайе с запозданием дошло: Цзян Шоуяню, похоже, нравится боль. Поэтому он перестал сдерживаться, заставляя его глухо стонать и дрожать всем телом в полном исступлении.

Чэн Цзайе немного приласкал губами оставленный им след от зубов, Цзян Шоуянь дрожащей

рукой поднёс сигарету ко рту. Сквозь полупрозрачный сизый дым Цзян Шоуянь услышал приглушённый голос Чэн Цзайе:

— Что там написано?

Цзян Шоуянь ещё не придумал ответа, но Чэн Цзайе сам подсказал ему идеальный путь к отступлению.

— Спрятал под подушку... Это что, любовное письмо для меня, Цзян Шоуянь?

Цзян Шоуянь усмехнулся:

— Да, любовное письмо для тебя.

Чэн Цзайе обнял его со спины, пристроив подбородок в ямочку на его плече. Поигрывая его свободной рукой, перебирая тонкие, длинные пальцы, он произнёс:

— Я не принимаю такие мятые любовные письма. Цзян Шоуянь, напиши-ка ты мне новое и положи уже под мою подушку.

Тревога, тяжким грузом лежавшая на сердце Цзян Шоуяня, рассеялась без следа. Он повернул голову, и ему не нужно было ничего говорить — Чэн Цзайе сам потянулся к нему за поцелуем. В пылу поцелуя Чэн Цзайе почувствовал вкус табака и попросил:

— Цзян Шоуянь, дай мне тоже затянуться.

Запястье Цзян Шоуяня свесилось за край кровати, он небрежно стряхнул пепел в мусорную

корзину.

— Ты и так полон сил, тебе ни к чему бодриться.

— Это можно расценивать как комплимент?

— Бесстыдник.

Чэн Цзайе, казалось, особенно нравилось слышать признания о чувствах из уст Цзян Шоуяня. Он потёрся о его щёку, всё ещё покрытую лёгкой испариной, и спросил:

— Тебе было хорошо, Цзян Шоуянь? Хорошо?

Цзян Шоуянь, откинувшись на его широкую грудь, сделал последнюю затяжку и лишь после этого лениво промычал в знак согласия. Чэн Цзайе наклонился и поцеловал след от зубов на его ухе. Цзян Шоуяню стало щекотно, он попытался увернуться, но Чэн Цзайе обхватил его за шею и снова впился в его губы. В этой неге после близости было что-то невероятно притягательное, словно вызывающее зависимость: сам воздух казался пропитанным тягучим ароматом уюта.

Лежавший в изголовье телефон внезапно издал серию вибраций. Цзян Шоуянь упёрся пальцами в грудь Чэн Цзайе, в его глазах блеснули слёзы от нехватки воздуха.

— Подай мне телефон.

Чэн Цзайе, нехотя оторвавшись от него, дотянулся до телефона и передал Цзян Шоуяню, пребывавшему в некотором недоумении. Друзей у него было немного — кому он мог понадобиться в такое время? Голова всё ещё шла кругом от поцелуев, поэтому он даже не подумал отстраниться от Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь просто нажал на уведомление и зашёл в WeChat, но, увидев диалог с Ци Чжоу, оцепенел.

Его собственное короткое «я спать» в ответ на ссылку со статьёй по психологии. Эта история переписки, в которой, как ему раньше казалось, соблюдался некий удивительный баланс, под пристальным взглядом сидящего позади Чэн Цзайе внезапно показалась в высшей степени двусмысленной. На сердце Цзян Шоуяня вдруг стало тяжело. Он поспешил объяснить:

— Ци Чжоу — мой друг, он врач. В их больнице есть нормы по репостам и просмотрам статей. Всякий раз, когда он не укладывается в план, скидывает мне, чтобы я накрутил просмотры.

Говоря это, Цзян Шоуянь быстро пробежался глазами по сообщениям, желая как можно скорее ответить и заблокировать телефон. Время его ежевечернего отчёта уже прошло, и Ци Чжоу прислал подряд несколько вопросительных знаков. Цзян Шоуянь торопливо напечатал: «Только что был занят». Затем погасил экран и небрежно бросил телефон на тумбочку.

В комнате повисла тишина. Цзян Шоуянь с запозданием осознал, что его сердце тревожно колотится. Он не мог внятно объяснить себе, откуда взялась эта паника, просто опустил глаза и уставился на руку Чэн Цзайе, покоившуюся на его животе. У Чэн Цзайе были крупные ладони с проступающими на тыльной стороне венами, а кожа — на несколько тонов темнее, чем у Цзян Шоуяня. Тот слегка погладил его по руке. Чэн Цзайе перехватил его беспокойные пальцы, зажал их в ладони, погладил и произнёс с лёгкой ноткой ревности:

— Ты каждый день пишешь ему, что ложишься спать. Мне ты не желаешь спокойной ночи так исправно.

Цзян Шоуянь вдруг облегчённо выдохнул:

— У него есть парень. Они вместе ещё со времён университета, уже много лет.

Однако писать кому-то каждый день «я спать» и впрямь выглядело несколько странно. Поразмыслив с секунду, Цзян Шоуянь добавил:

— Он переживал из-за того, что я поехал за границу один. В сети постоянно всплывают короткие видео о том, как кто-то пропадает в других странах. Вот он и попросил каждый день

давать о себе знать: боится, что со мной что-то случится.

Чэн Цзайе зарылся носом в его волосы и сказал:

— В Португалии вполне безопасно. Если не соваться в глухие районы, тут редко грабят.

Цзян Шоуянь поддержал тему:

— А тебя грабили?

— Было дело, — усмехнулся Чэн Цзайе. — Поначалу, когда только стал путешествовать, по глупости нацепил на себя всё самое лучшее. Но быстро усвоил урок. Теперь одеваюсь так, чтобы выглядеть как можно беднее, а телефон никогда не кладу в сумку — всегда держу в руках.

Цзян Шоуянь попытался представить себе эту картину, но понял, что образ оборванца совершенно не вяжется с Чэн Цзайе: его лицо выдавало породу и социальный статус. Было уже очень поздно. Под тихую беседу Цзян Шоуяня начало клонить в сон. Чэн Цзайе, не дождавшись ответа, повернул голову, присмотрелся к нему и негромко предложил:

— Не засыпай пока. Пойдём, я помогу тебе помыться?

Цзян Шоуянь, чьи пальцы по-прежнему лежали на его запястье, лишь чуть пошевелил ресницами и не стал отказываться.

В комнате Цзян Шоуяня всё было перевёрнуто вверх дном их бурной страстью, простыни были перепачканы. Чэн Цзайе, вымыв, на руках отнёс Цзян Шоуяня в свою комнату и в полумраке, поцеловав в висок, пожелал спокойной ночи. Когда он уже собирался лечь, Цзян Шоуянь обхватил его за шею и, полуприкрыв глаза, поцеловал в губы, тихо ответив:

— Спокойной ночи.

***

В кои-то веки Чэн Цзайе проспал: близилось время обеда, а он ещё не встал. Цзян Шоуянь, закрыв глаза, тихо лежал рядом, и Чэн Цзайе почему-то захотелось поваляться в постели подольше. Лёжа, он то листал что-то в телефоне, то переводил взгляд на спящего Цзян Шоуяня.

Послеполуденное солнце пробивалось сквозь щель в шторах. Цзян Шоуяню стало жарко, и он слегка откинул одеяло. Одежды на нём не было, и в лучах света его гладкая кожа казалась настолько нежной, что почти просвечивала. Чэн Цзайе вновь вспомнил, как прошлой ночью ласкал его, и ту шелковистую гладкость под ладонями, от которой невозможно было оторваться. Он наклонился и стал покрывать поцелуями усеянную следами страсти спину Цзян Шоуяня, спускаясь всё ниже вдоль позвоночника. Цзян Шоуянь вдруг пошевелился, зарылся пятернёй в его волосы и сонно пробормотал:

— Щекотно.

Чэн Цзайе сгрёб его в объятия вместе с одеялом и, потёршись головой о его макушку, спросил:

— Проснулся, Цзян Шоуянь?

Цзян Шоуянь ещё не выбрался из объятий сна. Замотанный в одеяло и придавленный чужим телом, он задыхался от духоты. Открыв глаза, он похлопал Чэн Цзайе по руке и сказал:

— Хочу в туалет.

Чэн Цзайе отпустил его и встал, чтобы подыскать ему какую-нибудь одежду.

Пока Цзян Шоуянь приводил себя в порядок, Чэн Цзайе спустился вниз приготовить еду. Он выбрал самые диетические и пресные продукты. Цзян Шоуянь, обожавший всё острое, спустившись на первый этаж и, бросив взгляд на стол, тут же скорбно опустил уголки губ. Чэн Цзайе со смехом поцеловал его.

После еды им обоим не хотелось шевелиться, поэтому они развалились на диване в гостиной, ожидая, пока уляжется пища. Чэн Цзайе открыл диалог с матерью в WeChat и спросил, когда они планируют вернуться. Ответ пришёл довольно быстро: она назвала дату и поинтересовалась, что случилось. Чэн Цзайе напечатал: «Хочу привезти кое-кого домой, познакомить».

Отправив это сообщение, он повернул голову и посмотрел на Цзян Шоуяня: послеполуденное солнце сквозь оконное стекло лениво пригревало его чёрные волосы. Тот лежал на боку, утопая в мягком диване, и казался невероятно уютным и расслабленным. Чэн Цзайе очень хотелось привезти его домой, представить родителям — они наверняка полюбят Цзян Шоуяня так же сильно, как он сам. Думая об этом, он пододвинулся к Цзян Шоуяню вплотную и пристроился позади, едва не столкнув того с дивана. Цзян Шоуянь упёрся рукой в край сиденья и спросил:

— Ты чего?

Чэн Цзайе положил подбородок ему в ямочку на плече и ответил:

— Хочу посмотреть, на что ты там смотришь. На щенков? Цзян Шоуянь, тебе нравятся собаки?

Цзян Шоуянь немного помолчал, прежде чем ответить:

— Я рассказывал? В детстве, когда я на веранде делал уроки, мой рыжий пёсик всегда ложился у меня в ногах — составлял мне компанию. На самом деле он был не просто рыжим пёсиком, а жёлтым тусонгом. — Цзян Шоуянь пролистнул пару видео, нашёл собаку с похожим окрасом и показал Чэн Цзайе. — Примерно вот такого цвета, с ярко-рыжими ушами и розовым носом.

Цзян Шоуянь был человеком, сильно привязанным к прошлому. Но собачий век недолог: пёс рос вместе с ним, а потом состарился и умер прямо в своей будке. Цзян Шоуянь своими руками вырыл для него могилу и похоронил в бамбуковой роще на заднем склоне горы. С тех пор каждый раз, когда в ленте попадались щенки похожего окраса, Цзян Шоуянь надолго впадал в оцепенение, предаваясь воспоминаниям. Но он никогда не думал о том, чтобы снова завести собаку.

Чэн Цзайе, наблюдавший из-за его плеча, внимательно посмотрел на экран, запоминая окрас, и предложил:

— А давай заведём собаку? Если хочешь, мы могли бы взять щенка.

Цзян Шоуянь усмехнулся:

— Тусонги такого цвета — большая редкость. К тому же, это китайская собака, такие водятся только в Китае. Здесь, в Португалии, их не найти.

— Тогда давай вернёмся в Китай. Цзян Шоуянь, отвези меня к себе домой. — Чэн Цзайе снова потёрся волосами о его шею. От этой пушистой щекотки казалось, будто к нему и впрямь ластится щенок. — Куда бы ты ни поехал, я последую за тобой, — сказал Чэн Цзайе. — Редкий окрас — не беда, будем искать вместе. Рано или поздно обязательно найдём точно такого же.

Цзян Шоуянь смотрел на пушистого пса в видеоролике и не спешил отвечать. «Домой? — мысленно отозвался Цзян Шоуянь. — Но ведь у меня больше нет дома».